

ЗА ГРАНИЦЕЮ, дан л'этранже

Почему русские писали по-французски

Ольга Орешина

Русско-французские связи давние и отличаются от отношений русских с другими европейскими народами периодами особенной тесной близости. Можно смело предположить, что ни в одной национальной литературе нет столько страниц, написанных на иностранном языке, как в русской — на французском

Гувернеры и гувернантки

«Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» — шуточная поэма русского поэта первой половины XIX века Ивана Петровича Мятлева, имевшая в свое время большую популярность. Вся она создана из рифмованной смеси русских и французских слов, причем французские написаны кириллицей:

Вот в дорогу я пустилась:
В город Питер дотащилась
И промыслила билет
Для себя, э пур Аннет,
И пур Харитон ле медник.
Сюр ле пироскаф «Наследник»
Погрузила экипаж, приготовилась в вояж.

И так много глав, сотни страниц, описывающих путешествие бодрой мадам в Германию, Швейцарию, Италию. Но заключительную главу про Францию Мятлев написать не успел. Он смело рифмовал «э дье пур тус» и «картуз», «же вуз эм» и «зачем», «эпок» и «чулок», что было всегда забавно, а местами и смешно.

Французскому Мятлева, богатого и родовитого, выучил, как и многих людей его века, гувернер — аббат, французский эмигрант. Читателям поэзию Мятлева переводить не было надобности: читающая русская публика отлично понимала по-французски, учила его с детства. Кого-то обучали гувернеры и гувернантки, а если в семье не хватало на них средств, то детей отправляли в пансионаты, где французский был обязательной наукой. После Французской революции учителей-эмигрантов было в достатке, чтобы по-французски говорили даже такие провинциальные барышни, как Татьяна Ларина.

«...всех этих слов по-русски нет»

Самые популярные, самые лирические строфы в русской поэзии — письмо Татьяны Онегину, как предупредил читателей автор романа, перевод с французского, поскольку «она по-русски плохо знала». Однако это вовсе не значит, что Татьяна Ларина на родном языке не умела изъясняться — она только не могла на нем письменно объяснить в любви. В своих комментариях к «Евгению Онегину» Юрий Лотман рассказывает, что в пушкинские времена хорошо писали по-русски только очень образованные женщины, «ученые дамы», владевшие скучной тогда русской книжной культурой. Девушки попроще, читательницы английской и французской беллетристики, тяжелую русскую книжную речь осилить не могли. Вот и письмо

Татьяны, как отмечают исследователи, смесь фрагментов из различных французских источников, переложенных Пушкиным. Самого же Пушкина в Царском-сельском лицее учил французскому языку швейцарец де Будри. Один из учеников писал о нем: «Будри был родом швейцарец, выписанный в царствование Екатерины князем Салтыковым для воспитания его сына. Окончив оное, Будри женился на русской и остался в России. Он был родной брат кровожадного Марата...»

Два брака Анны Русской

Франко-русские отношения в пушкинские времена насчитывали уже десять веков. Известно, что киевский князь Ярослав Мудрый, сам женатый на дочке шведского конунга Ингигерде, укреплял европейские связи с помощью династических браков. Одна из его дочерей, Анна, стала в 1051 году второй женой к тому времени вдового французского короля Генриха I, прожила с ним в браке девять лет, родила троих сыновей, старший из которых, Филипп, после смерти отца стал еще во младенчестве королем Франции. Впрочем, с датами могут быть неточности: в русских источниках сведений об Анне Ярославне нет, а французские противоречивы. Точно известно, что Анна основала на собственные средства монастырь Св. Винцента в местечке Санли. Свидетельством ее непосредственного участия в государственных делах остались подписи на документах: *Annae Reginae* (Анна, королева) и *Annae matris Philippi regis* (Анна, мать короля Филиппа). А на одном даже обнаружена надпись кириллицей: «АНА РЪИНА». Эта подпись относится ко времени второго, скандального, замужества французской королевы родом из Киева. Граф Ральф де Крепи де Валуа женился на ней

уже женатым; брошенная супруга пожаловалась на графа папе Александру II, тот объявил брак недействительным и отлучил двоеженца от церкви. Но де Крепи продолжал жить вместе с Анной до самой смерти. Согласно французским хроникам, дважды овдовевшая королева вернулась на родину.

Сегодня, однако, украинские историки настойчиво напоминают французам, что Анна была родом из Киева — значит, украинкой. Но историю так сразу не перепишешь, и французы по-прежнему называют жену Генриха I Анной Русской.

Перерыв на века

Распад Киевской Руси, татарское нашествие и разделение церковью надолго русско-французские отношения прервали. Наша страна для французов была варварской (для некоторых так и осталась), а Франция для русских — источником разврата и католической заразы. Но уже Борис Годунов, по свидетельству современника, «выбрал из московских детей 18 дворянских сынов, из которых 6 было послано в Любек, 6 в Англию и 6 во Францию, чтобы их там обучили». Русские дворянские сыны легко выучили иноземные языки, но только один из них вернулся в Россию. При Петре I, лично побывавшем в Париже, французы, как и другие иностранцы, стали обосновываться в Москве и Петербурге. При Анне Иоанновне уже в моду вошли французская кухня и французские вина. А Елизавета Петровна обожала короля Людовика XV, переписывалась с ним — просила займа или выписать к ней парижских артистов. В ее правление русский двор, прежде ориентированный на Германию, окончательно переключается на Францию и ее достижения: пудру, помаду, душистую воду, шелковые чулки, парики и ткани подводами

доставлялись французскими купцами в Петербург. Но тотальное французское влияние установилось среди русских людей — образованных и не слишком — при Екатерине Великой.

Век всеобщей галломании

Историки до сих пор спорят: франкоманкой или франкофобкой была императрица Екатерина II. С одной стороны, переписывалась с Дидро и Вольтером, с другой — политические отношения с Францией в ее правление были натянутыми, и у императрицы даже имелись основания подозревать французов в контакте с Пугачевым. Французская революция возмутила Екатерину, сразу запретившую то, что раньше приветствовала (идеи Просвещения, Дидро с Вольтером), и она приказала всем русским покинуть Париж, где их к тому времени уже много обосновалось. Но эта же революция привела в Российскую империю многочисленных эмигрантов. В долгое царствование Екатерины галантный французский язык утверждается в России как повсеместный для двора, знати и тех, кто к ней хотел приблизиться. Этот язык на петербургских улицах слышался чаще, чем русский. Французская словесность, мода и архитектура становятся объектами для подражания; екатерининские вельможи строили в своих имениях версали, заводили там театры, где крепостные пели по-французски про амуров и пастушек. Подражатели попроще и повсеместная галломания жестоко высмеиваются в русской литературе. Вспомним хоть «Бригадира» Фонвизина:

Советница. Ах, сколь счастлива дочь наша! Она идет за того, который был в Париже. Ах, радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, который в Париже не был.

Сын. Madame! Я благодарю вас за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотел бы иметь и сам такую жену, с которой бы я говорить не мог иным языком, кроме французского. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливее.

Конечно, «Бригадир» — сатира, и бригадирского сына, как выяснится, учил бывший французский кучер, но в самой пьесе значительная часть текста написана по-французски.

«Que faites-vous Platon Alexandrovitch?» — спросил Павел I у Платона Зубова, когда заговорщики-убийцы со шпагами ворвались в его спальню. А ведь во время своего недолгого царствования бедный Павел боролся со всем французским вплоть до круглых шляп и высоких галстуков, страшаясь, что и через них в его империю может проникнуть якобинская зараза.

Две страны в одном ампире

Пять лет назад в Париже, в Соборе Дома инвалидов, рядом с могилой Наполеона, проходила выставка «Париж — Санкт-Петербург. 1800–1830. Когда Россия говорила по-французски». Две трети экспонатов были привезены из Эрмитажа, остальные — из французских музеев. Стоявшие в витринах роскошные вещи: серебро, фарфор, напольные вазы, портреты, костюмы, военные мундиры, оружие, французские и русские, — оказались необыкновенно похожи. Воевавшие между собой страны и их императоры жили в одной, можно было подумать, культуре, в одном стиле — ампире. Там же выставались воспоминания русских офицеров о войне 1812 года, написанные, разумеется, по-французски.

Ими пользовался Лев Толстой, когда писал свой великий роман. Франкоязычные страницы «Войны и мира» написаны Львом Толстым не для мучения

поколений русских школьников (хотя их в этом не убедить), а ради правды — исторической и художественной. Анна Павловна Шерер не могла в своем салоне вести светский разговор по-русски не только потому, что люди того времени даже думали по-французски, но на русском сам разговор не мог быть таким изящным, обтекаемым и гладким. Не могла Жюли Курагина переписываться с подругой Марией Болконской по-русски — тогда их дружба должна была быть такой же глубокой, как у княжны Марьи с Наташей Ростовой. Зато когда Льву Николаевичу надо было вложить в голову Наполеона собственные размышления, то французский император думал у него по-русски.

Толстой владел французским свободно, как все получившие приличное образование люди его времени и круга, и даже сны ему иногда виделись на французском — языке его детства. В детстве у Толстого был гувернер-француз Сен-Тома. Проспер Антонович был хорошо образован, но надменен и довольно жесток к воспитаннику. Уехав к концу жизни на родину, Тома (приставку Сен он взял себе в России) оставил обширные «Воспоминания о России», но засветился в истории только как прообраз гувернера Сен-Жерома из толстовского «Отрочества».

Лечиться на Ривьере

Весь XIX век «приличные» русские люди знали французский и наведывались в Париж познавать мир: ходить в Орега и к кокоткам, развлекаться, покупать наряды, кутить, заводить романы, заражаться революционными идеями и обучаться революционной практике. Так же как мятлевская мадам Курдюкова, они неизменно возмущались шумным поведением соотечественников за границей и сами там обычно много шумели.

Русские из всех слоев общества ездили на Ривьеру. Богачи и аристократы строили там, в основном в Ницце, роскошные виллы. На одной из них жила внебрачная дочь Николая I Жозефина Кобервейн, Юзя. Разбогатевший на строительстве железных дорог барон фон Дервиз построил виллу «Вальроз», основал театр и симфонический оркестр.

Но главное, в Ницце и богатые, и бедные русские лечились и не вылечивались. На православном кладбище Кокад — сплошь надгробья с русскими именами, написанными латиницей.

Несколько раз приезжал поправлять здоровье в Ниццу и Антон Павлович Чехов. Жил в дешевом русском пансионе, где много было таких же, как он, чахоточных; наведывался в соседнее Монте-Карло,

играл там на рулетке «по маленькой». В отличие от своего старшего современника Толстого, у Чехова, сына лавочника, гувернеров не было: «Я говорю на всех языках, кроме иностранных, и добраться в Париже с одного вокзала на другой для меня все равно что играть в жмурки». Преувеличивал: гимназические знания у него были достаточные, чтобы путешествовать по Европе. Но с Чеховым в литературу пришло поколение, для которых французский язык уже мало что значил.

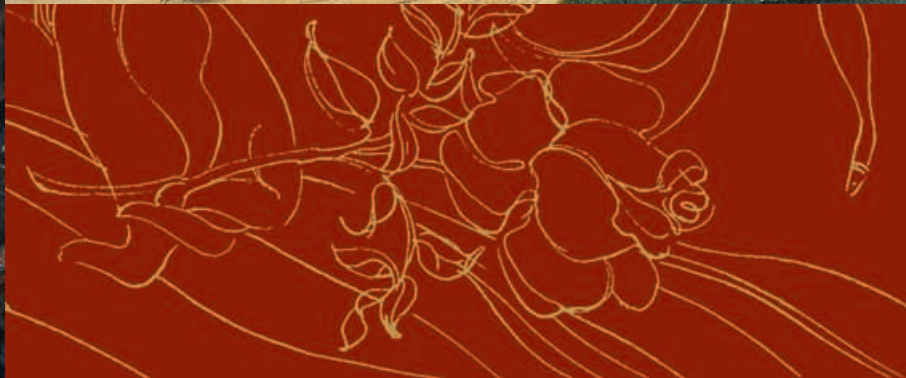
Художническая грамота

Когда разговорный и письменный французский перестали быть значимыми для русской культуры, то стал необыкновенно актуальным язык передовой французской живописи. Эту живопись коллекционировали новые русские богатые промышленники, а русские художники ездили в Париж учиться ее языку. Выходцы из России, в том числе и бедные евреи из местечек, селились на Монмартре и Монпарнасе, голодали, пили, бедствовали и начинали писать по-французски уже не слова, а картины. О них и их жизни написаны тома вдохновенных воспоминаний и романов, сняты красивые фильмы.

Искала художественного счастья в Париже и провинциальная барышня Мария Воробьева-Стебельская, взявшая псевдоним Маревна. Она оставила воспоминания о своих приятельских отношениях с художниками Пикассо, Модильяни, Риверой, Сутиным. Но не могла не вспомнить, что больше всего поразили ее в первый приезд в Париж в 1912 году странные металлические загородки с рекламой шоколада Menier, за которыми были видны только широко расставленные ноги и головы в котелках, кепи, тюрбанах. Оказалось, что это гордость Парижа — общественные туалеты для мужчин (для женщин они тоже были, но внутри кафе). В Москве и Риме в то время люди справляли нужду в подворотнях и прямо на улицах, не стесняясь прохожих.

На этом забавном эпизоде и закончу этот беглый обзор, потому что в начале прошлого века, с войной и революцией, пришла совсем другая история русско-французских отношений. Когда одни русские уже не по своей воле осели во Франции и хранили там как величайшую ценность свой родной русский язык, а другие русские люди надолго перестали ездить в Париж.

Правда, вот уже полтора десятилетия как жизнь налаживается, и дальние потомки мадам Курдюковой снова охотно отправляются в вояж, за границу, дан л'этранже. И хотя говорят они там теперь по-английски, но шумят по-прежнему.

Pen World

ЖУРНАЛ О МИРЕ ПИСЬМА ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ РОСКОШИ

Эти и другие материалы журнала «Мир Ручек»
Вы можете найти на сайте www.ElitePen.ru

Copyright © ООО «Мир Ручек»

Все права на материалы охраняются в соответствии с законодательством РФ.
Любое использование возможно только с письменного разрешения правообладателя.